

новости

Гагаринские чтения

В музее Энгельсской авиабазы в преддверии Дня космонавтики прошли Гагаринские чтения. Его участники – члены молодежного общественного движения «Гагарин». Сегодня эта организация объединяет вузовскую молодежь Саратовской области.

«Никто не забыт, ничто не забыто!»

В Башкортостане объявлен республиканский смотр-конкурс общественных и государственных музеев боевой и трудовой славы, посвященный 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Смотр-конкурс проводится под девизом «Никто не забыт, ничто не забыто!». Цели и задачи смотр-конкурса – активизация роли музеев боевой и трудовой славы в патриотическом и нравственном воспитании

подрастающего поколения; приобщение через музыкальную деятельность учащихся школ, вузов к изучению истории Великой Отечественной войны; формирование патриотических чувств на примере подвига советского народа в Великой Отечественной войне. Для организации, проведения и подведения итогов республиканского смотр-конкурса создаются оргкомитет и жюри, в котором может принять участие любой музей боевой и трудовой славы, расположенный на территории Республики Башкортостан. При этом обязательным условием является наличие экспозиции, посвященной Великой Отечественной войне.

Заявки на участие в конкурсе и другие дополнительные материалы представляются в оргкомитет конкурса до 31 сентября 2003 года. Коллективам музеев, удостоенным премий, вручаются дипломы и денежное вознаграждение.

Сбор кадетских корпусов

В черноморском детском курортном центре «Орленок» под Туапсе открылся Всероссийский сбор кадетских корпусов. В нем участвуют 420 воспитанников из 20 кадетских учебных заведений Москвы, Калининграда, Пензы, Ростова, Иркутска, Алтайского и Красноярского краев и других регионов. Главная задача слета – возрождение лучших традиций российских кадетских корпусов. В рамках сбора пройдет смотр «Петровские турины», по итогам которого жюри определит лучший кадетский корпус. Кадеты посвятили его 300-летию со дня основания Санкт-Петербурга.

По информации корреспондентов «Гудка».

время и мы

Тихое серебряное курильское утро.
Рождается оно из мягких туманных сумерек, словно чья-то невидимая рука неспешно приподнимает занавес, и открывается живая мерцающая даль Тихого океана, а над ним – пепельный конус вулкана Мендельсона.

Кунашир – самый южный остров Курильской гряды. Край российской земли. Через неширокий пролив синеет соседний японский остров Хоккайдо. А на восток, на тысячи морских миль до самых Гавайев, – ни клочка суши.

Иду по берегу на встречу с Федором Пыжевым – преподавателем истории в местной школе, археологом, действительным членом Географического общества России. Пыжевы давно живут на Курилах, обшололох – один остров, отыскивая следы освоения архипелага российскими землепроходцами. Русские поселения на Курильской гряде существовали где-то до середины XIX века, пока архипелаг не отошел к Японии: по Петербургскому (1875 г.) договору, заключенному между государствами, остров Сахалин стал принадлежать Российской империи, а империя Японской передавалась Курилы.

К слову, коренное население островов – айны – не спрашивали: передали «туземцев» вместе с землей. Айны еще долго хранили добрую память о русских, с которыми мирно жили бок о бок. Некоторые переняли у них религию, одежду, даже обычай. Нередко довольно свободно говорили по-русски – как и русские по-айским. Японские администрации с недовольством отмечали, что даже после передачи островов айны упорно продолжали носить русские имена и фамилии.

Но, видно, впрямь история порой повторяется как фарс. Среди части современных островитян, увы, популярен теперь познанье «Курилы – Японии, но вместе с курильчанами!». Соотечественники наши, они спешно отыскивают в своих родословных «японские» корни (почему не айские? Искать так уж искать!), а японцы, поддерживая эти тенденции, тщательно расписали – пока на бумаге – сценарий приема-передачи Южных Курил.

Жителям российского происхождения, как они именуются в документе, представляется выбор: уехать на родину либо «продвигаться в XXI веке на островах вместе с японцами к новой жизни». Предусмотрено, к примеру, введение на островах левостороннего движения, сохранение русских школ, телерадиовещания на родном языке, обеспечение пенсиями, обучение японскому языку, а через пять лет – «после соответствующей индивидуальной проверки» – получение российскими японским гражданства. Для тех же, кто решится уехать в Россию, будет организована бесплатная отправка на японских судах в Холмск и Корсаков «необходимых для жизни предметов без ограничения веса груза».

Этот план, понятное дело, доведен до островитян и ими обсуждается. Мнения разные, но все сходятся в одном: «межгосударственная жестокиция» непредсказуема.

Кто-то, а курильчане помнят роковой для островитян 1956 года, когда СССР в качестве жеста доброй воли сделали заявление о возможной передаче шести островов – Шикотана, Зеленого, Анушина, Таифильева, Полонского и Юрия (в японской терминологии группы Хабомай и Шикотан) – Японии. В те годы были разрушены десятки (!) обитых поселков, а их жители эвакуированы. В 60-е годы прошлого века положение о передаче островов было аннулировано из-за укрепления военного союза Токио и Вашингтона, направленного против СССР. Освобождение островов Малой гряды началось снова, но прежнего уровня оно не достигло.

Стремление Японии во что бы то ни стало доказать России прослеживается все последние годы. Напомню один захватывающий эпизод – он не стал широко известным... После известных событий августа 1991 года в Министерстве иностранных дел Смоленской площади явился ответственный японский дипломат и через наших мидовских работни-

ков предложил Борису Ельцину «одним ударом» разобрать «проблему северных территорий». Десяток, в прежних отношениях между странами было многое настенное, а вот демократическая Россия, откакаясь от прошлого, открывает новую страницу. Одним словом, передает Южных Куриль. Стране восходящего солнца. Номер с попыткой провернуть относительно Курил «японский путь» не прошел, подтвердив правоту насмешилой японской поговорки: «Спешащий краб и в своей собственной норе застремается».

Но вернемся к нашим пращурам. Пыжевы собрались показать мне место, где, по его предположениям, почти триста лет назад впервые выселились на

сердечно. Между прочим, в инструкции адмиралтейств-коллегии морякам указывалось: «Ежели людей найдете, то сими поступать ласково, и ничем не озабочивать, и нападения никакого и не дружбы не показывать».

Внешне айны резко отличались от японцев: густобородые, большеглазые, широкоплечие. Крепкий, здоровый народ, промышлявший медведя, нерпу, сивуча, морского бобра и рыбу. Особенно наши мореманы отметили айских девушек – светлокожих, с фигурами «прекрасного образования»...

Пыжево рассказывает, а сам, как и я, ожидаю того сокровенного момента, когда из-за океана появится солнце. Сначала у горизонта выплывает легкая

искры от паровоза светляками. Ну, по-нагто, сняли меня с эшелона, домой отправили.

Видите, как получается: с детства хотел попасть на восток. И ведь попал. На Курилы попал, на самый край нашей восточной земли!..

– Федор Иванович, а что стало с айнами, – спрашиваю я, – после того, как острова отошли Японии?

– С айнами, спрашиваете... Само название оставит – «айну», дословно – «настоящий человек», «благородный человек». Все, кто общался с айнами, отмечали именно их благородство, любезность нрав и еще поэтичность. В одиночкушел ай на медведя, но мог расплакаться, если его обижали.

В первый же год большинство айнов вымерло. Считается, что губительным был переход от животной пищи к рису. Думается, однако, айны гибли не столько от непривычной пищи, сколько от тоски по аймориси – родным островам, по прежней вольной жизни. К 1891-му на Шикотане осталось 59 айнов. Это из многотысячного населения! Те айны, что живут сегодня на Хоккайдо, почти не знают родного языка, стремятся во всем походить на японцев, пытаются скрывать даже свое происхождение...

Слушаю Пыжевого, а сам разглядываю места, где впервые сошли на берег русские мореходы. Кажется, ничего нет в земной природе привычного, средневекового, уральского или сибирского. Пышная растительность напоминает о юге. Над целебными горячими ключами стоит призрачное таинственное морево. Песок на берегу черно-сернистый, крупный, тяжелый. И осень здесь пахнет иначе: раками, водорослями, мокрым деревом, незнакомыми увядывающими цветами, запах которых донесет ветер с близайших луговин. По луговинам ходят местные кунаширские коровы, время от времени забредая в океан, – купаются.

Но какая-то притягивающая сила есть в этой земле. Сколько историй рассказывает о тех, кто уезжал с Курил как будто навсегда, а пожил на материке, возвращался обратно. После землетрясения, прокатившегося здесь в 1994 году, уехали многие курильчане, но среди них не мало тех, кто потом вернулся. По численности население Южно-Курильского района почти сравнялось с показателями 1993 года и продолжает увеличиваться.

Возвращаемся с Пыжевым в Южно-Курильск. Приходится прибавлять шаг, чтобы не отстать от моего спутника. Удивительно все-таки он ходит: вроде неспешно, а не углониши.

Иду за Федором Ивановичем и думаю, сколько же поколений русских людей – тех, кто пешком прибрался из России за Урал-Камень – шли и шли на восток, чтобы достичь дна океана. И немереный этот путь испытывал каждого на крепость тела и духа.

Недаром, когда шли на поклонение святым местам – грех замолить, поблагодарить ли Бога, – шли пешими, нередко босыми, чтобы почувствовать свою землю, пережить снова ее пространство, ее дорожные травы, ее камни и пыль.

Справлюсь с Пыжевым, сохранившись ли имена тех, кто принимал участие в нелегком плавании 1739 года на Южные Курилы. Федор Иванович называет: мореход Николай Треска, Сидор Рыбаков, Агафон Назаров, Иван Емельянов, плотник Логин Курганов, парусный мастер Степан Курочкин, конопатчик Игнатий Носов...

Мне кажется, есть только один способ, который помогает понять, что вынесли русские люди, сплавившиеся на восток – встречь солнцу. Способ простой: представить себя на их месте.

... И носил еще несколько суток в снежных и непрозрачных погодах, не видав никакой земли, – доносили русские мореходы, исследовавшие Курилы в восемнадцатом веке... А девятого числа венчеверувили в густом воздухе землю не более как в кабельтве, и у одной верхней борьбы покрыт туманом. И не было времени, чтобы хотя усмотреть какую-нибудь или сколько-нибудь низменной земли, течением и ветром присносли к утесам и поставил глинян на камень, где единицами только Божеским милосердием 13 человек спаслося, а против потонули... Спасшиеся люди на оном острову зимовали, который называется по-курильски (по-айским). – Прим. авт.) Сияж Кута, Седмой Остров».

Сегодня, когда знаем многие поражающие воображение примеры мужества, стойкости нашего народа, все равно изумляют терпеливость, скромность земледельцев. Буднично, словно о самоубийстве разумеющимися, пишут они о смертельных опасностях. Нет и тени бахвальства, стремления показать свою жертвенность, вызвать жалость к нелегкой доле.

В том плавании погибли двадцать два человека. А те, кто счастливо избежал смертной доли, остались жить на далекой курильской земле, на островах «за переливами».

Сергей СМОРОДИН.

ОТЕЧЕСТВО

Островитяне

ИТАР-ТАСС

«Кунашир» – так тогда называли Кунашир – русские моряки.

Экспедицию возглавлял Мартын Шпанберг. В вахтенном журнале экспедиции отмечено, что Кунашир – остров большой и для глаз «отрадный», что имеется на нем «великое изобилие в прелизном сосновке, листвяке и ельнике».

На острове Итуруп геологи обнаружили богатые залежи рения. Разработка месторождения позволила бы не только обеспечить России туголоваки металлом (без него невозможны современное авиа- и ракетостроение, нефтепереработка и т.д.), но и экспортировать рений.

Хороши перспективы будущего нефти и газа в шельфовой зоне архипелага.

... Поворачивает берег, и настремчу мне Пыжевы Ворчут: «Пропали? Сейчас солнце поднимется...» Закуривает. Смотрит на бухту.

– Влез, значит, на платформу тяжелом, сунулся наши предки. Приняли их айны бодренно. Да и россияне вели себя

золотистая полоса. Набухает малиновым жаром, превращаясь в рубиновую дугу, охватывающую полнеба. Удивительной чистоты свет заливает землю.

– Океан-море всем морям мори: окунуло море весь белый свет, – негромко произносит Пыжевы.

– Знаете, откуда это? Из старинной книги, написанной поморами. Они-то, понятно, понимали-чувствовали, что такое море-океан. А я вырос вдалеке от моря, на Южном Урале. В 1945 году мимо нашего села двигались воин-

Или такой факт. Споры разрешались не вооруженным поединком, а в поэтическом турнире. Правым признался тот, кто побеждал противника цветистой речью, обязательно опирающейся на предания о богах и героях.

Японцы же называли айнов «косматыми варварами», «дикарями». Когда Курилы перешли под японскую руку, администрация решила переселить всех айнов на Шикотан. Под предлогом приобщения «дикарей» к цивилизации. Пе-

ревезли, предварительно перебив сабак, которых айны боготворили, сожгли их лодки и заставили охотников-рыбаков заниматься земледелием. Прислали врача, учителя. В достаке жаловали рис. Но в море или на охоту айны могли выходить только по специальному разрешению.

Сколько же поколений русских людей – тех, кто пешком пробирался из России за Урал-Камень, – шли и шли на восток. Пока не дошли до края – Тихого океана. И немереный этот путь испытывал каждого на крепость тела и духа. Недаром, когда шли на поклонение святым местам – грех замолить, поблагодарить ли Бога, – шли пешими, нередко босыми, чтобы почувствовать свою землю, пережить снова ее пространство, ее дорожные травы, ее камни и пыль. Нет святости без подвига.

Сколько же поколений русских людей – тех, кто пешком пробирался из России за Урал-Камень, – шли и шли на восток. Пока не дошли до края – Тихого океана. И немереный этот путь испытывал каждого на крепость тела и духа. Недаром, когда шли на поклонение святым местам – грех замолить, поблагодарить ли Бога, – шли пешими, нередко босыми, чтобы почувствовать свою землю, пережить снова ее пространство, ее дорожные травы, ее камни и пыль. Нет святости без подвига.

Сколько же поколений русских людей – тех, кто пешком пробирался из России за Урал-Камень, – шли и шли на восток. Пока не дошли до края – Тихого океана. И немереный этот путь испытывал каждого на крепость тела и духа. Недаром, когда шли на поклонение святым местам – грех замолить, поблагодарить ли Бога, – шли пешими, нередко босыми, чтобы почувствовать свою землю, пережить снова ее пространство, ее дорожные травы, ее камни и пыль. Нет святости без подвига.

Сколько же поколений русских людей – тех, кто пешком пробирался из России за Урал-Камень, – шли и шли на восток. Пока не дошли до края – Тихого океана. И немереный этот путь испытывал каждого на крепость тела и духа. Недаром, когда шли на поклонение святым местам – грех замолить, поблагодарить ли Бога, – шли пешими, нередко босыми, чтобы почувствовать свою землю, пережить снова ее пространство, ее дорожные травы, ее камни и пыль. Нет святости без подвига.

Сколько же поколений русских людей – тех, кто пешком пробирался из России за Урал-Камень, – шли и шли на восток. Пока не дошли до края – Тихого океана. И немереный этот путь испытывал каждого на крепость тела и духа. Недаром, когда шли на поклонение святым местам – грех замолить, поблагодарить ли Бога, – шли пешими, нередко босыми, чтобы почувствовать свою землю, пережить снова ее пространство, ее дорожные травы, ее камни и пыль. Нет святости без подвига.

Сколько же поколений русских людей – тех, кто пешком пробирался из России за Урал-Камень, – шли и шли на восток. Пока не дошли до края – Тихого океана. И немереный этот путь испытывал каждого на крепость тела и духа. Недаром, когда шли на поклонение святым местам – грех замолить, поблагодарить ли Бога, – шли пешими, нередко босыми, чтобы почувствовать свою землю, пережить снова ее пространство, ее дорожные травы, ее камни и пыль. Нет святости без подвига.

Сколько же поколений русских людей – тех, кто пешком пробирался из России за Урал-Камень, – шли и шли на восток. Пока не дошли до края – Тихого океана. И немереный этот путь испытывал каждого на крепость тела и духа. Недаром, когда шли на поклонение святым местам – грех замолить, поблагодарить ли Бога, – шли пешими, нередко босыми, чтобы почувствовать свою землю, пережить снова ее пространство, ее дорожные травы, ее камни и пыль. Нет святости без подвига.

Сколько же поколений русских людей – тех, кто пешком пробирался из России за Урал-Камень, – шли и шли на восток. Пока не дошли до края – Тихого океана. И немереный этот путь испытывал каждого на крепость тела и духа. Недаром, когда шли на поклонение святым местам – грех замолить, поблагодарить ли Бога, – шли пешими, нередко босыми, чтобы почувствовать свою землю, пережить снова ее пространство, ее дорожные травы, ее камни и пыль. Нет святости без подвига.

Сколько же поколений русских людей – тех, кто пешком пробирался из России за Урал-Камень, – шли и шли на восток. Пока не дошли до края – Тихого океана. И немереный этот путь испытывал каждого на крепость тела и духа. Нед